

Новые тексты Пушкина

(Заметки Пушкина о статье П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова“)

Заметки Пушкина на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова» полностью печатаются с автографа впервые.

Отдельный оттиск статьи Вяземского со вложенными в него листами бумаги, на которых набросаны пушкинские заметки, был недавно обнаружен мною при подготовке материалов к Всесоюзной Пушкинской выставке.

В 90-ые годы академик Л. Н. Майков, имея на руках этот документ, частично использовал его, включив ряд замечаний Пушкина в свою статью «Князь Вяземский и Пушкин об Озерове»¹.

Надо отметить, что Майков очень небрежно отнесся к воспроизведению заметок Пушкина. Не говоря уже о неверном чтении некоторых заметок, мы наталкиваемся в статье Майкова на грубые искажения текста Пушкина (своевольные добавления, пропуски и частичные изменения).

Работая над автографом, я установил свыше двадцати отдельных замечаний и большое количество всевозможных редакционных поправок и отметок Пушкина, вовсе опущенных Майковым.

В собраниях сочинений Пушкина данные заметки воспроизводились в неточной и неполной передаче Майкова, так как местонахождение автографа исследователям-пушкинистам было неизвестно.

Оттиск статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», отпечатанный на вельевой бумаге (общее количество страниц XLVI, из них первые две не нумерованы; цензурное разрешение 26 июня 1817 г.), шит в картонный переплет. Экземпляр хранится в ГАФКЭ.

В статью вложены и подшиты листы белой бумаги (размером 22,6 × 17,2 см., вод. знаки 1825 г.), на которых Пушкин набрасывал свои заметки. Большинство заметок сделано на вложенных листах, а часть их на полях статьи

(в публикации мы оговариваем это в каждом отдельном случае). Листы бумаги вложены подряд между всеми страницами, начиная со II (нenum.) до XLII стр. включительно. Общее количество вложенных листов 64; из них 22 лл. заполнены заметками Пушкина, остальные 44 лл. остались совершенно чистыми. В оттиске статьи самим Пушкиным сделана вальная нумерация, как листов печатного текста, так и вложенных листов бумаги, на которых сделаны им заметки.

Даваемая нами в редакционных пояснениях, нумерация не совпадает с пушкинской, так как мы учитываем лишь вложенные листы бумаги (как заполненные заметками, так и не заполненные).

Заметки, сделанные Пушкиным на полях статьи, остаются без ссылок на страницы оттиска, так как в печатаемом здесь тексте Вяземского мы даем в квадратных скобках нумерацию страниц этого оттиска.

Все заметки Пушкина сделаны карандашом и лишь общее заключение о статье написано чернилами.

Точно датировать заметки не представляется возможным, но, несомненно, они писались в период между 1826 — 1828 гг. Рассмотрение этого вопроса, а также освещение заметок по существу см. в статье, которая помещена ниже.

Все впервые публикуемые замечания Пушкина и все уточнения, введенные нами в майковскую публикацию, выделены курсивом. Статья Вяземского приводится полностью.

Подчеркнутые Пушкиным отдельные слова и фразы в статье Вяземского подчеркиваем линией. Отдельные места статьи, отчеркнутые на полях Пушкиным, заключены в черные квадратные скобки. Зачеркнутые Пушкиным в статье Вяземского фразы и отдельные выражения, заключенные Пушкиным в скобки, отмечаются у нас знаком // и оговариваются на полях.

Крестики X, проставленные Пушкиным в тексте Вяземского и на листах с заметками, мы заменяем звездочками (**).

Н. Богословский

¹ См. Сборник «Старина и Новизна», 1897, кн. I, стр. 305—323.

ТЕКСТ ВЯЗЕМСКОГО

ЗАМЕТКИ ПУШКИНА

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ В. А. ОЗЕРОВА

Давно ли Музы отечества оплакивали смерть поседевшего в славе любимца своего, Державина? И ныне еще поражены они новым ударом, не менее для них чувствительным! По крайней мере Державин совершил свое поприще и заплатил последнюю дань природе в те лета, в которые человек перенес уже важнейшую утрату — утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни. — Наследство, оставленное им потомству, плод трудов долгих и безмятежных лет, должны служить утешением в горестной потере Судьба и люди, едва ли не в первый раз, постоянно благоприятствовали гению в лице Державина, и он, доживши до глубокой старости, простился с жизнью, как с прекрасным вечерющим днем. Зависть не дотрогивалась оскорбительною рукою до поэтических лавров его, и по крайней мере в глазах поэта и современников, скрывая свое негодование, казалось, изменила древней вражде ко всему тому, что ознаменовано печатной величию [III стр] Пример чудесный и может быть единственный в летописях славы! Но, оплакивая Озерова, мы должны сетовать как о преждевременной смерти, так и о самой жизни его, игратище враждующей судьбы и людей, коих злоба бывает еще изобретательнее и постояннее — Смерть положила предел дням Озерова на 47 году от рождения; но бедствия и зависть, пробужденная рукоплесканиями, уже за несколько лет перед тем поставили преграду успехам его, похитив у отечества надежды, за исполнение которых достаточными поручками были прежние труды Озерова, начавшего новую эпоху в истории трагического нашего театра Странная и горестная истина! Участь великих мужей, коих слава бывает собственностью народа, зависит часто от малого числа людей, а иногда от одного только лица не от того ли, что благодарность скудна в способах изъясняться, особенно же медленна, а зависть напротив богата в средствах, догадлива и никогда не дремлет? И часто первая прерывает свое преступное молчание тогда только, когда поздний голос ее тщетно уже раздаться может над прахом сердца нежного, потухшего в унынии и ожидавшего благотворного ее взывания, как новый жизнеподательницы новых сил и надежд! Напротив же первая победа есть для последней решительный знак к действию: неутомимо преследует [IV стр] она от успеха к успеху доверчивого любимца славы, как жадный заимодавец, заставляя его расплачиваться при каждом новом праве, приобретенном на уважение отечества, и таким образом гонясь до конца за жертвою своею, падает бессильная при надгробном камне, сей священной преграде, бессмертием поставленной ее ненасытной вражде. Счастливы обреченный славою на гошение, воин ли он, гражданин ли, или питомец муз, когда душа его, облеченная спасительною твердостью и крепкая собственными своими силами, служит только тщетно целию стрел для неприязни, скользких по ней и следов не оставляющих! — Но горе тому, кто с дарованием получил от природы и душу чувствительную, вверившую свои наслаждения и горести самовластию чуждого произвола! Слезами кровавыми заплатит он за рукоплескания, мгновенно похищенные у ветренной толпы, сегодня ослепленной, а завтра смотрящей с убийственным равнодушием на борение любимца своего с злобою врагов Должно еще заметить, что успехи драматические более и продолжительнее прочих подстрекают зависть Эпическое или лирическое творение, славаемое при начале и действующее только на часть публи-

ки, теряет со временем свою гласность и наконец становится собственностью малого числа читателей. Хорошая трагедия или комедия, налагая дань на все общество, не стареет [V стр.] никогда. Каждое представление, возобновляя удовольствие публики, растревляет раны зависти, которая не столько враг достоинствам, сколько успехам. Вольтер, вооруживший противу себя толпу врагов, но умевший всегда с равным искусством вести как оборонительную, так и наступательную войну, жалуюсь однажды на неприятности, им претерпеваемые, говорил в письме: «если я еще напишу трагедию, то куда мне деваться?»

Озеров умалчивал о своих неудовольствиях, и одаренный сердцем чувствительным к обидам, не умел ни презирать вражды, ни бороться с нею, и наконец оставил столицу и поприще славы своей*.

Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина**, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любознательное внимание просвещенных друзей словесности.— Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приготовлено было творениями, для нас утраченными. Но для некоторых людей сей Геркулесовский подвиг не существует. Они по [VI стр.] стоянно коснеют при мнениях прошедшего века. Просвещение, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человеческих понятий, преобразовавшее самые государства, до них не коснулось. Просвещение прошло мимо их, и они его не заметили. Обремененные с излишеством старыми понятиями и не умея даже ими владеть, как беспечный наследник, который не только что не думает о новых приобретениях, но с трудом вычисляет и то, что ему досталось, они негодуют на новую жатву, собранную тайком от них трудолюбивыми и щедрыми благотворителями. Успехи разума и искусства не подвигаются для сих людей неподвижных. Оставшись на стезе просвещения современного их младенчеству, они напоминают Эдипа, который, будучи упомлен дорогою, садится на камень и говорит: «Мой век на камне кончу сем». Их разум, достигший ветхости при постоянном ребячестве, и представляющий картину развалин недостроенного здания, не изменяя первым урокам, удивляется, что смеют писать трагедии после Сумарокова, и, довольствуясь повествованиями Елагина, ужасается святотатства смельчака, дерзающего готовить русскую историю.— Пускай доканчивают они тяжелый сон жизни своей на вековом камне под уснительным надзором невежества и предрассудков: [VII стр.] мы обратимся к Озерову, который писал не для их века.*

К сожалению я не могу, говоря о заслугах Озерова, как автора, остановить на нем внимания читателей, как на человеке: я не знал его лично. Но впрочем, если бы свидетельство друзей его и не утвердило меня в уверенности о прекрасном образовании его сердца, то я убедился бы в нем истинною и словами Карамзина, который говорит, что автору надобно иметь доброе и нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей. Не знаю также и подробностей жизни поэта, столь всегда

[На листе 7 между VI и VII стр.]:

* Эти 6 страниц ныне, кажется, лишние. Можно из них будет выбрать некоторые мысли и поместить далее.

[На листе 7 между VI и VII стр.]:

** Большая разница. Кар[амзин] великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг вперед в слоге, но Искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

[На листе 9 между VIII и IX стр.]:

* Переход несчастливый да и не нужный.

любопытных и занимательных, когда они относятся к лицу, достойному нашего внимания. Мы любим заставить в тишине домашней жизни человека, привлекающего взор наш на поприще большого света, и, так сказать, поверять, слышать его с самим собою. У нас писателей знают только по одним их книгам, и известия о них ничто иное, как послужные списки. — Хорошо другу умершего писателя обращать внимание потомства на знаки благоволения, полученные покойником от начальников тогда, как творения его не свидетельствуют о благоволении к нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествах души, о домашних добродетелях человека, известного нам по одной его славе, то умалчивая о чинах его, припомним с Княжнинным, что «Рафаэль не бывал коллежским [VIII стр.] ассесором», лучше определим его права не на адрес-календарь, но на любовь граждан, уже платящих дань уважения умственным его способностям.

Соберу однако же все известия о нем, которые дошли до меня, и если не могу начертать полного образа, то означу хотя легкие черты характера, или души Озерова, по словам одного родственника его, которому не нужно было родства, чтобы быть ему другом.

Озеров получил воспитание в кадетском корпусе, хорошее по тогдашним понятиям, но недостаточное для человека, готовящегося быть писателем. Французский язык и французская словесность были единственными сокровищами, открытыми его взору. Первыми его учителями и образцами в языке были Княжнин и Болтин; [уже гораздо после того познакомился он с истинными образователями русской прозы и русских стихов. В уединении тихой жизни узнал он Державина, Дмитриева и Карамзина, почувствовал им цену и по ним учился. Рожденный с пылкими страстями, с воображением романтическим, //он не мог противиться волшебной прелести любви//, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; //с нею питался [IX стр.] восторгами платонической страсти//; часто предчувствовал счастье, но не был счастлив: ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная. Для нее он играл во французских трагедиях, читал романы и писал французские стихи. По счастью он изменил со временем французскому языку; но сохранил вкус к чтению романов и в зрелых летах и после потери любимой женщины, как бы для того, чтобы участием в вымышленных несчастьях любви напоминать себе те страдания нежности, к коим сердце его привыкло. Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романтизма, заметный почти во всех его произведениях, и удивительно, как с таким расположением не искал он для содержания трагедий своих повестей из рыцарских веков. — Долговременная сердечная связь имела также влияние и на характер нашего трагика. Давно говорят, что любовники похожи на детей, а Озеров сохранил что-то детское и во всех отношениях жизни. Он, как младенец, был добродушен, своеправен и забывчив; то подсарителен, то легковверен и к людям и к надеждам. Иногда самолюбие доводило его до малодушия; иногда от излишнего смирения он впадал в отчаяние. //Главным

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным волнистой чертой на полях.]

[Слова: «он не мог противиться волшебной прелести любви» заключены Пушкиным в скобки.]

[Слова: «с нею питался восторгами платонической страсти» заключены Пушкиным в скобки.]

[Слова: «Главным свойством его сердца была любовь к друзьям» заключены Пушкиным в скобки. К этому выражению его замечание на листе 11 между X и XI стр.]:

[*] Любовь к друзьям—по Руски дружба. Не свойство—страсть разве.

свойством его сердца была любовь к друзьям*//; он часто делался их невольником, видел, чувствовал ими; он готов был рассердиться за ма[X стр.]лейшую неосторожность, и также не мог устоять против малейшего знака

любви. Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею, и от словесности, которая сначала была для него не более, как забава. При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастья в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца. Пробуждение от сладостных сновидений было развитием давно таившихся его способностей. Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. — Он служил по гражданской части и имел успехи по службе, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: не нужно ли сделать перемены в его департаменте? Озеров счел этот вопрос за совет идти в отставку, и тотчас вышел.]

Приступая к рассмотрению произведений Озерова, скажем нечто о русском театре.

Драматическое искусство у нас еще в колыбели*. Несмотря на несколько трагических и комических сцен,

мелькающих в малом числе драматических творений, из

коих всякое более или менее //означено общию печатью отвержения, наложенною на наш театр рукою Та-

лии и Мельпомены!**, кажется можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной [XI стр.] комедии в стихах¹ и до Озерова не видели трагедии.

Сумарокову, сему писателю, хотевшему с жадностью объять все отрасли ученой славы, и у которого нельзя отнять ни ума, ни дарования, предназначено было судьбою проложить у нас пути к разным родам сочинений, но самому не достигнуть ни одной цели. — Как Моисей, он навел других на обетованную землю, но сам не вступил в ее границы. Ослепленные современники венчали неутомимого писателя похвалами; добродушное потомство довольствуется быть отголоском старины, не налагая на себя тяжелого труда быть действующим судиею славы Сумарокова, и таким образом творец русского театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имеет места на оном. Может быть и совсем //поглотила бы его бездна забвения//, если бы не приходило на мысль благочестивым и суеверным поклонникам старины, предпочитающим всегда славу усопших славе живых, ставить

[¹ Фон Визин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал комедии прозою, доныне лучшие на нашем театре, и даже единственные, как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает, непринужденным остроумием].

[На листе 14 об. между X и XI стр.:]

Все это сбивчиво — ты сперва говоришь о его любви, потом о романтизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о его щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности.

[На листе 14 об. между X и XI стр.:]

* Где же Геркулесовский подвиг Озерова?

[Слова: «означено общию печатью отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены» заключены Пушкиным в скобки. К этому выражению относится его замечание на листе 14 об. между X и XI стр.:]

** Да говори просто — Ты довольно умен для этого —

[Слова: «поглотила бы его бездна забвения» заключены Пушкиным в скобки. К этому выражению относится его замечание на листе 15 между XII и XIII стр.:]

И совсем его забыли (проще и лучше)

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным на полях. На листе 15 между XII и XIII стр. заметка:]

Не поэтому. Но о Ф[он] Визине поговорим после —

нам [XII стр.] //без зазрения совести//* в образец басен на русском языке басни Сумарокова, и в образец тра-

гического слога насыщенные и холодные порывы //притворного// исступления Димитрия Самозванца. [Должно

заметить однако же, что в трагедиях Сумароков также выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных]**.

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. [Лучшая комедия в стихах на нашем театре, есть неоспоримо «Хвастун», хотя и в ней критика найдет много недостатков, и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но за то сколько спен истинно комических, являющих блестящих дарования автора! Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы!] Сколько целых мест, свидетельствующих, так сказать, о зрелости слога Княжнина! В доказательство тому заметим, что дурной стих, площадное и непристойное выражение, оскорбляя ваш слух,

поражает вас в «Хвастуне» также, как хороший и удач-

ный стих пробуждает вас в другой комедии. [«Утешенная вдова» до сего времени может служить у нас образцовою по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости.] В «Чудаках» блистает тоже дарование и еще более комической веселости. В других его комедиях везде рассыпаны искры дарования и соль остроумных [XIII стр.] шуток, заменяющих погрешности планов его и несходство в списывании лиц.

Княжнин, как трагик, заслуживает более укоризн, не имея блестящих достоинств, вознаграждающих за ошибки его в комедиях. Язык в последних всегда кажется естественным: язык в его трагедиях всегда принужден и холоден. В «Дидоне» видим не любовницу, в «Рославе» не пламенного друга отечества. [О «Рославе» можно заме-

тить, что имя хвастуна ему приличнее, нежели действительному Хвастуну. «Верхолет» более лжец и обманщик: Рослав есть трагический Хвастун*.] Княжнин, сказывают, признавался, что «Рослав» написан им по желанию собрать в одно все черты высокога, рассыпанные во французских трагедиях. Одно это желание, признанное или умолчанное, все равно, но главное в трагедии его, может служить ему обвинением*. В ответах Рослава слышен всегда автор; в словах: «я здесь не в первый раз», вянет сердечный голос негодующего Фингала. Я часто слышал рукоплескания, заслуживаемые стихами трагедий Княжнина; но признаюсь, не видал никогда в глазах

[Слова: «без зазрения совести» заключены Пушкиным в скобки. На листе 18 об. между XII и XIII стр. заметка:]

* *Напротив: очень добродушно*

[Слово «притворного» подчеркнуто и заключено Пушкиным в скобки. На полях заметка:]

т. е. forcé

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным на полях.]

[На листе 18 об. между XII и XIII стр. заметка:]

** *И этого не вижу: в нем все дрянь, кроме некоторых од—*
NB: Сумароков прекрасно знал *по руски* (лучше нежели Ломоносов) —

[На листе 18 об. между XII и XIII стр. заметка:]

— *Хвастун перевод из L'Important — я не читал подлинника — пересмотри.*

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На полях заметка:]

ПОЛНО, ТАК ЛИ?

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным и на листе 19 между XIV и XV стр. заметка:]

* *Очень хорошо —*

[На листе 19 между XIV и XV стр. заметка:]

* *Почему: изъясни.*

зрителей красноречивого свидетельства участия, принимаемого сердцем их в бедствиях его героев или героинь; не видал сих слез, невольной и лучшей дани, приносимой трагическому дарованию от растревоженных чувств сострадания, или страха оба[XIV стр.]нутого воображения. Должно сказать, что пороки в составлении трагедий Сумарокова и Княжнина не могут быть оправданы временем. В то время как они писали, сокровища иностранных театров совершенно были им открыты; не говорю о древних источниках, которые тогда, как и самый язык древних, были забыты. В трагедиях того и другого встречаем мы нередко частные подражания Корнелию, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил Пинтики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком*.

О трагедиях последователей его, покоящихся после однодневной жизни в «Российском Феатре», нечего и упоминать. Не стану говорить и о трагедиях, в новейшее время перенесенных с иностранных театров на наш усердными переводчиками, о сих несчастных эмигрантах (разумеется не без исключения), жалких и разительных свидетельствах изменения судьбы человеческой, сохранивших у нас одно прежнее имя, но оставивших на отечественной земле и богатство свое и славу отцов!

Кажется, решительно можно сказать, что у нас не было трагедий, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сцене. [— Актеры [XV стр.] с пышными именами выходили перед зрителей, говорили стихи, иногда хорошие, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зевали; но и рукоплескания их были данию звучности стихов, блестящим выражениям истины,] сильным изречениям, сохранению некоторых условий искусства, и тайна тра-

гедии не была еще постигнута. Явился Озеров, //и Мельпомена приняла владычество свое над душами//. Мы услышали голос ее, повелевающий сердцу, играющий чувствами, сей голос столь красноречивый в Расине и Вольтере. В первый раз [увидели мы на сцене не актеров, пожалованных по произволу автора в греческих, римских или

русских героев], и //представляющих нам// галерею портретов не на одно лицо, которое узнавать надобно было по надписи.

Но прежде нежели представим Озерова на русской сцене, на степени его достойном, взглянем на первые труды, предшествовавшие «Эдипу», коим началась новая эпоха в истории театра и словесности нашей.

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды «Элоизы к Абелару». В кратком предисловии, напечатанном при переводе, уведомляет он читателей, что предлагает им первый опыт свой в стихах и извиняется в смелости состязаться с счастливым сопер-

[На листе 20 об. между XIV и XV стр. заметка.]

* Т. е. он просто не поэт —

[На полях заметка:]

Очень хорошо

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным На полях заметка:]

Хорошо

[Слова: «Мельпомена приняла владычество свое над душами» Пушкиным зачеркнуты и заключены в скобки. На полях поставлено им «и». В следующей фразе им зачеркнуто слово: «ее».]

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На листе 21 между XVI и XVII стр. заметка Пушкина, исправляющая грамматическую неточность фразы Вяземского:]

* Пожалованных в Греческие
— — — герои.

[Слова: «представляющих нам» заключены Пушкиным в скобки и перед словом «представляющих» сверху написано: «не», а в печатном тексте слово: «не» Пушкиным зачеркнуто.]

ником, утвердившим во Франции свою славу [пе [XVI стр.] реводом из Попа письма, известного любителям словесности; [он признается, что чтение стихов Колардо родило в нем вдохновение Аполлона и воспламенило воображение, нетронутое до того волшебным жезлом поэзии.] [«Читая Колардо, говорит Озеров, «я был восхищен. Мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел»*. Так до-

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным двумя чертами. На листе 24 об. между XVI и XVII стр. заметка:]

Это дает мне мерку дарования Озерова.

бродушный Лафонтен, [до конца жизни не проведавший тайны славы своей, тайны темной для одних его глаз, обязан был чтению Оды Малерба открытием своего дарования. Поставить перевод наряду с подлинником невозможно, но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта, было бы несправедливо.** Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений. Вообще рассказ и порывы страсти удачнее прочего сохранены переводчиком, еще непосвященным, но втайне обреченным любимцем Мельпомены. Его прочие мелкие стихотворения не свидетельствуют о пиитическом даровании, развернувшемся в трагедиях; а лирические песни доказывают, что Озеров не был лириком.]

«Смерть Олега» Дравлянского, представленная в 1798 году на Петербургском театре, была первою [XVII стр.] трагедиею Озерова, и первою и последнею данию, заплаченною им веку Сумарокова и Княжнина. Вспомня, что предшественниками «Федры» были «Александр» и «Враждующие братья», дань принесенная Расином веку Ротру и Корнеля, удивимся ли тому, что «Олег» не предвещал «Эдипа» и «Поликсены»? Редко случается, чтобы дарование с первого шага стало на ту дорогу, которую оно прокладывает себе возмужавшими силами; обыкновенно, оно тащится несколько времени по следам предшественников, а там уже вдруг освобождается от ига суеверного подражания и, уклонясь на неизопытанный путь, открывает новое поприще для новых последователей. В плане трагедии: «Смерть Олега», в самом составе стиха, видны погрешности Княжнина, неискупленные красотами, ему принадлежащими. *Красотам подражать не можно; их нельзя ни похитить, ни присвоить. Напротив того недостатки писателей переходят из рук в руки во владение рабских его

[На листе 24 об. между XVI и XVII стр. заметка:]

** Как тебе не стыдно распространяться об этом. Все это лишнее

[Слова: «Ротру и Корнеля» подчеркнуты Пушкиным и на полях отмечено:]

? ? ?

[На полях заметка:]

Княжнину?

[На полях заметка:]

Не думаю.

подражателей. Расин, победивший Корнеля, когда перестал брать его себе в пример, был ниже его, когда хотел сравниться с ним. Озеров, усовершенствованный искусством Княжнина, был дурным его учеником, когда искал славы его соперничества. К счастью Озерова, публика, которой суждения не всегда безошибочны, по какому-то предчувствию не попала в обман и справедливо отвергнув трагедию [XVIII стр.] Озерова, не ослепила его соблазном успеха. Счастливым прием «Олега», усыпив гений трагика, может быть, убил бы «Эдипа». Чрез несколько лет сочинитель, скрывавшийся от глаз света, явился снова на трагической сцене, но вооруженный новыми силами, обещавшими ему победу. Бедствия Эдипа и семейства его,

[Слово «гений» подчеркнуто Пушкиным:]

это неисчерпаемое сокровище трагедии, наследство, переданное веками героическими трагиками. не были еще присвоены русской сценою. Сия добыча, достойная Озерова, ожидала его. Софокл в «Эдипе-царе» имел многих последователей; у одних французов есть около десяти подражателей.— «Эдип в Колонском предместии» реже переносим был на новейший театр. Озеров, избравши его, основался на Софокле, пользуясь и другими французскими подражаниями: «Эдипом у Адмета», трагедиею Дюсиса, который, не знаю почему, слив в одно две отдельные трагедии, разделил участие, и оперою: «Эдип в Колонском предместии», одним из счастливейших подражаний древнему театру. Содержание «Эдипа» известно. Сия прекрасная трагедия, зрелое и жизни исполненное произведение маститаго старца, почитается одним из лучших памятников древности. [Софокл, обвиняемый сыном в несостоянии править имением по старости лет и упадку рассудка, прочел для оправдания своего перед судьями «Эдипа в Колонском предместии», оконченного им в самое то время. [XIX стр.]. Восхищенные судьи отослали со стыдом обвинителей и с торжеством проводили Софокла до дома.] Сия трагедия, осветившая вечер славы Греческого певца, озарила утро славы нашего трагика //и была зарею нового дня на русском театре//. Но вероятно, современники наши хладнокровнее древних в своих суждениях, и едва ли голос клеветы для слуха их не доходнее голоса дарования. Сравнивать подлинник с подражанием не должно. Древние в трагедиях своих имеют великое преимущество над нами.— Трагедия греческая заимствовала свою силу от всего, что было священо для греческого сердца. Слава предков и современных граждан, народные предания и обычай, таинства религии, торжественные обряды богослужения, были, так сказать, сокровищем греческих трагиков.— Мы можем постигать красоту их искусства, но и постигнув ее, будем единственно холодными зрителями действия, а не участниками //оно-го//. Смерть Эдипа, залог благоденствия Афин, может ли производить над зрителями чуждыми то действие, которое имела она на Афинском театре? До какого же совершенства должны были достигнуть древние трагики, чтобы внушить и нам, отдаленным от них веками, а еще более совершенно противоположною понятием и чувств, то уважение, которое имеем к их творениям! И если позволено здесь уподобление, то нельзя ли сравнить греческую трагедию, в отношении к нам, с прекрасным портретом Рафаэлевой кисти, который мы ценим по одному искусству живописи, но которым прежний его обладатель дорожил еще более по верному и живому изображению человека, близкого его сердцу?

Вернейшее подражание древним трагикам, согласно с правилами, которые они завещали нам своим примером, было бы не подражать им; можно решительно сказать, что они никогда не избрали бы для своих творений содержания, совершенно чуждого народу своему и образу его мыслей. Эпопея, принадлежащая к повествовательному роду, может переносить нас под чужое небо и живописать воображению картины, которые тем более удивляют любопытству нашему, чем новее и неизвестнее они для нас.— Но трагедия, которая творит из нас не холодных слушателей отдаленного повествования, а обманывая нас, делает созерцателями и участниками действия, не должна ли, чтобы совершенно овладеть вниманием души нашей, представлять нам лица знакомые и пробуждающие в нас великие и священные воспоминания? //И придерживаясь первого сравнения с живописью, для лучшего объяснения мысли моей, я уподобил бы эпопею// картине, изображающей глазам нашим природу,

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На полях заметка:]

Лишнее

[Слова: «и была зарею нового дня на русском театре» зачеркнуты Пушкиным]

[Подчеркнуто Пушкиным и на полях отмечено:]

?

[Вместо: «оного» Пушкиным на полях исправлено:]

«в ОНОМ»

[На полях заметка:]

Очень хорошо —

[Слова: «и придерживаясь первого сравнения с живописью для лучшего объяснения мысли моей я уподобил бы эпопею»... Пушкиным зачеркнуты и на полях взамен написано:]

Можно и тут уподобить эпопею etc

хотя и чуждую, но всегда величественную и всегда сродную нам по общим [XXI стр.] отношениям к человеку, а трагедию картинне семейственной, которой живейшие права на сердце наше основаны на отношениях частных. //Обратимся к Озерову//.

//Он//, как благоразумный художник, воспитал дарование свое в греческой школе и знал, что для Театра нашего еще в младенчестве, полезны могут быть и правила и самые примеры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не состарелось

с веками. К тому же отнимая от Эдипа и все то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастье, благородная твердость, нежная любовь дочери его имеют еще довольно прав на сострадание души,* и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. — Озеров в составлении своей трагедии отступал и от Софокла и от подражателей его, иногда с успехом, иногда и нет. Первое действие Софокла перенесено им во второе, вероятно для того, чтобы познакомить зрителей с судьбою и отношениями сыновей его к нему и, так сказать, изложить историческое содержание трагедии; сия предосторожность, излишняя на театре Афинском, могла показаться законною на нашем. Характер Тезея обнаруживается ясно: прием Креона и //ответы на просьбу о союзе Тезея, представ [XXII стр.] ляют //благородство и справедливость царя//, друга и благотворителя своих подданных//. Красота и звучное величолепие стихов заменяют сухость и холодность первого действия, не открывающего глазам главных лиц и решительного содержания трагедии. Софокл, при самом начале, возбуждает в зрителях сострадание к несчастному царю-изгнан-

нику и //уважение// к дочери, разделяющей нищету и бедствие отца. — Трагедию Озерова можно начать со второго действия, и ущерб будет на стороне одного поэта, а не трагика. Но за то второе действие вполне награждает за излишнее, может быть, ожидание его. Оно выдержано до конца и ознаменовано высокою простотою, столь пленительною в греческих трагиках. Верные и строгие почитатели сохранения древней истины могут с некоторою справедливою заметить, что Эдип, привлеченный таинственною судьбою к храму Эвменид, и в пророческом духе чающий найти под сению убежище и конец странническим бедствиям, не должен был впадать в ужасное исступление, которым он обят, узнав от дочери, что они находятся близ храма богинь мести. Заметят также и то, что во все продолжение трагедии, Эдип не облечен пырховом священно таинственности, которым он закрывается у Софокла от взоров толпы до самой смерти, так сказать, разгадывающей в глазах [XXIII стр.] земли великую загадку его жизни, обреченной небом на невольные преступления и постоянные бедствия. Характер Креона также не почерпнут из греческого источника, или по крайней мере не имеет печати, ему сродной. Злодей, гордящийся своими преступлениями и с отвратительным чистосердечием судящие себя беспристрастно, как судии посторон-

[Фраза: «Обратимся к Озерову» зачеркнута Пушкиным. В следующей фразе зачеркнуто слово «Он» и на полях написано:]

Озеров

[Подчеркнуто Пушкиным. На листе 29 между XXII и XXIII стр. заметка:]

* Критика слишком незрелая.

[Подчеркнуто Пушкиным. На полях заметка:]

где? как?

[Слова: «ответы на просьбу о союзе Тезея, представляют благородство и справедливость царя, друга и благотворителя своих подданных» зачеркнуты Пушкиным. Кроме того слова: «благородство и справедливость царя» заключены им в скобки.]

[Слово: «уважение» зачеркнуто Пушкиным.]

ние, не находятся //ни// в природе, // ни в произведениях гениев, ей подражавших//; но рождаются от беспечности или бессилия трагиков, которые, не умея, или не желая дать себе труда живописать разительную и твердую кистию характер предполагаемый, заставляют его называться именем, когда искусство требует, чтобы он отгадан был зрителями. Сей род изображения есть один из главнейших пороков русской трагедии и торжествует в «Димитрии Самозванце». [До сей поры он еще сохраняется на нашем театре. В первом явлении третьего действия «Эдипа», Креон с излишнею искренностью сообщает Нарцессу исповедь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую более чести стихотворцу, нежели трагику].

Характер Полиника начертан мастерскою рукою. В самом раскаянии его прорываются движения злобы и ненависти к брату, и зритель в Полинике, оплакивающим преступление свои у ног отца, и готовящемся жертвовать жизнью за него и сестру, угадывает еще мятежного, необузданного [XXIV стр.] и непримиримого брата Этеокла. Антигона Озерова совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и в природе. Ни на одно мгновение, ни в одном движении, ни в одном слове не изменяет себе. Пленительный образец дочерней любви, трогательное сочетание нежности и твердости, чувствительности и благородного презрения к бедствиям, одним словом, счастливое соединение всех женских добродетелей. В первый раз услышали мы на сцене голос женский. Антигоне не автор подсказывает, но сердце ее. Заметим здесь, что Озеров с вернейшим успехом ловил сходство женских лиц*; кисть его при изображении их была разборчивее в красках, точнее в оттенках и тщательнее в отделке. Взгляните на Антигону, Мошну, Ксению, Гекубу и Поликсену! каждый из списков их носит на себе печать истины и некоторым образом свидетельствует о пристрастии к себе автора, так сказать любовавшегося трудом своим. Может быть, почерпнул он сию верность изображения в нежном образовании души своей, отражавшей с большею живостию и ясностию женские добродетели; может быть, заимствовал он ее от частого обращения с женщинами, очищающими как вкус наш, так и самые чувства**. Но обратимся к Эдипу, который к сожалению перестает быть Эдипом в пятом акте. Озеров в окончании своей [XXV стр.] трагедии совершенно отстал от Софокла, и так сказать, срывает с Эдипа священную печать таинственного попечения о нем богов, чудных к нему в гонении и милости. Наш трагик изменил прекрасному концу преческого Эдипа, освященного перед смертью, и уже не хилого слепца, имеющего нужду в подпоре мертвых; но слепца, руководимого промыслом богов и твердою стопю идущего к могиле, назначенной ему от них наградою за долгие страдания и пристанищем после житейских тревожений. Сей прекрасной кончине предпочел он холодную смерть Креона в угождение ложному правилу, проповеданному нам новейшими трагиками, что нравственная цель трагедии должна быть казнь порока и торжество добродетели. Но трагик не есть уголовный судья.*

[Обязанность его и всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистию к пороку, а не заботиться о жреби и приговоре провидения.] Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зофира и щадя Магомета, не был ни

[Слова заключенные в двойные косые скобки: // зачеркнуты Пушкиным.]

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным на полях и зачеркнуто им. На листе 33 между XXIV и XXV стр. заметка:]

Повторение уже сказанного

[Подчеркнуто Пушкиным. На полях:]

?

[На листе 34 об. между XXIV и XXV стр. заметка:]

* *Знаешь-ли почему?*

[На листе 34 об. между XXIV и XXV стр. заметка:]

** *нет*

[На листе 35 между XXVI и XXVII стр. заметка:] *

* *Прекрасно*

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На листе 35 между XXVI и XXVII стр. заметка:]

Ни чуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело.

[Гонителем добродетели, ни льстецом порока.] Озеров, как сказывают, сперва и хотел перенести в свою трагедию прекрасный конец Софокловой, но один актер, в школе Сумарокова воспитанный, испугал его, предсказывая, что публика дурно примет конец, столь противный общим понятиям о цели драматических творений, и [XXVI стр.] родил в нем мысль развязать свою трагедию смертью Креона. Озеров принял его совет и лишил себя и нас счастливого, может быть, единственного случая познакомиться с сверхестественными окончаниями древнего театра—Таким образом вкоренелые предрассудки и уполномоченные представители их в обществе заграждают произвольными мерами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостию презреть их в полете своем.—Если иногда в Эдипе Озеров был послушным учеником древних наставников, то по крайней мере с блистательным успехом оказался он достойным воспитанником, а часто и счастливым соперником новейших образцов. «Эдип в Афинах» будет всегда занимать одно из почетных мест на новейшем театре в отношении к творениям современной словесности чуждых народов, а в отношении к нашей поставил он Озерова на ряду с величайшими нашими поэтами, и на степень первейшего* нашего трагика. В первый раз сия трагедия была играна в Петербургском театре в 1804 году, и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою к Державину,

который отвечал ему стихами, уже отзывающимися ста-

ростию поэта и нестоющими прозы Озеровой**.—Публика, руководимая на этот раз вкусом, приняла новую трагедию с живым удовольствием. Журналы то [XXVII стр.] гдашнего времени подтвердили ее одобрение и между поэтами, приветствовавшими успех нового трагика, был и другой певец века Екатерины—Капнист. «Эдип в Афинах» представлен также на театре Эрмитажа, и автор имел удовольствие слышать от государя похвалу и одобрение своим трудам. В одном из современных периодических изданий сказано было, что некоторыми любителями отечественной словесности было положено собрать подписку для выбития золотой медали в честь автора Эдипа. Мудрено ли, что сердце чувствительное, питающееся одобрениями и доверчивое к надеждам, поддалось усладительным приманкам улыбающегося успеха, и в беспечном очаровании своем внимательное к одному голосу похвалы, не замечало скрытного ропота зависти? Осторожность не пленяется успехами, и пронизательным взглядом различает свойства похвал и искренность хвалителей, но пламенная и простая душа предается обману и поздно узнает, что слава вплетает тернии в венцы, которыми наделяет она своих любимцев*.

Из благословенной Эллады, цветущаго отечества изящного и искусств, муза Озерова перенесла его под дикое и туманное небо, прославленное однообразными, но сильными и сладостными для души песнями—севернаго Гомера! Певец греческий открывает богатый рудник трагикам: Оссиан [XXVIII стр.] не столь щедрою рукою разсыпает свои сокровища. Воображение Гомера богато, роскошно и разноцветно, как вечная весна, царствующая на отеческих его полях. Воображение Оссиана сурово, мрачно, однообразно, как вечные снега его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь к отечеству, и сия любовь

[На листе 35 между XXVI и XXVII стр. заметка:]

Господи Суси! Какое дело поэту до добродетели и порока? разве их одна поэтическая сторона.

[Подчеркнуто Пушкиным. На листе 36 об. между XXVI и XXVII стр. заметка:]

Тут не было ни Гения, ни смелого полета—просто вкус—

[Слово: «первейшего» подчеркнуто Пушкиным. На листе 36 об. между XXVI и XXVII стр.:]

* В Москве считался знаменитым затем, что был один—

[Подчеркнуто Пушкиным. На листе 36 об. между XXVI и XXVII стр. заметка:]

** Милый мой, уважай Отца Державина! Не равняй его стихов с прозой Озерова!—

[На листе 37 между XXVIII и XXIX стр.:]

* Вот тут, если хочешь, помести нечто из своего начала.

согревает его в холодном царстве зимы и становится обильным источником его вдохновения. Его герои — ратники; поприще их славы — бранное поле; алтари — могилы храбрых. Северной поэзии прилично искать источников в баснословных преданиях народа, имеющего нечто общее с ее народом, когда разборчивая строгость не дозволяет ей дополнить своими вымыслами скудные средства, открытые отечественною историею. Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сродную его природе встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах, и что свойство сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом * сосуде. Самый язык наш представляет более красот для живописания северной природы. Цвет поэзии Оссиана, может быть, удачнее обильного в оттенках цвета поэзии Гомеровою перенесен на [XXIX стр.] наш язык. Некоторые русские переводы пеоней севернаго Барда подтверждают сие мнение. [— Но ровное, и так сказать одноцветное поле его поэм обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их бореяния и великих последствий? Не думаю. И посему то Фингал Озерова может скорее почесться великолепным трагическим представлением, нежели совершенною трагедиею]. Не основываю мнения моего на том, что содержание Фингала разделено на три акта, а не на пять. Правило, основанное на предрассудке, может и должно всегда встречать слушников в тех, которых голос дарования их вызывает из толпы. Большая часть трагедий выиграли бы потерю двух актов, и почти все исключительно потерю одного. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их, ** и забывая, что в греческих трагедиях хоры всегда занимают большее место и разделяют с действием внимание зрителей. [С другой стороны греки не столь жадны были, как мы, и содержа-

[На полях заметки:]
Хорошо, смело.

* не ледяном ли?

[Заключенное в черные, квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным на полях. На листе 41 между XXX и XXXI стр. заметка:]

Что есть общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог—?

Подчеркнуто Пушкиным. На листе 41 между XXX и XXXI стр. заметка:]

** перестань, не шали.

[Подчеркнуто Пушкиным. На листе 41 между XXX и XXXI стр. заметка:]

Почему ж?

[Подчеркнуто Пушкиным. На полях поставлено:]

?

[Заклученное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На листе 42 об. между XXX и XXXI стр. заметка:]

* Противуположности характеров, вовсе не искусство — но пошлая пружина фр[анцузских] трагедий —

ние их пяти актов едва ли становится у нас на два]. В трагедии Фингал, одно только трагическое лицо: Старн. Сын его Тоскар убит был Фингалом, и все чувства родительские, нежная любовь к сыну, сетование о нем, соединялись в одно: в желание мести — Фингал, победитель и убийца Тоскара, влюблен в [XXX стр.] его сестру Моину, которая отвечает его страсти. Старн скрывает свое негодование от дочери, неразделяющей ненависти его к победителю сына, и, вместо обещанного брачного торжества, хочет принести Фингала в жертву мести своей, на холме надгробном Тоскара. Вот одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Он с искусством умел противопоставить мранному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды, взаимную и просто сердечную любовь двух чад природы, искренность * Моины, благородство и доверчивость Фингала, и сочетать в одной картине свежие краски добродетельной страсти, владычествующей прелестью очарования своего в сердцах невинных, с мрачными красками утרוной и кроваважнейшей мести, и хитрость злобной старости с доверчивою смелостию добродетельной молодости.] Как трагик, он воспользовался всеми выгодами предметов, и чем беднее в средствах, тем решительнее и искуснее был он в распоряжении. В тесном кругу действия характеры Старна, Фингала и Моины являются во всех оттенках. Как поэт, схватил он смелою рукою богатства се-

верной поэзии, и разбросанные сокровища соединил в одно целое. — [Трагедия Фингал торжество северной поэзии и торжество русского языка, богатого живописью, смелостью и звучностью.] Речи Моины, утренняя голос весны, про [XXXI стр.] буджающий сладостным очарованием тишину безмолвных рошей; сегование мрачного Старна, унылый голос осени, беседующей с ночью бурю: с ним говорят:

«И ветров страшный рев,
И моря грозный шум, и томный скрип дерев».

В Фингале ничто не забыто, ни трагиком, ни поэтом. Тот и другой взял с Оссиана полную дань. Счастливый приемник Озерова может приняться после него за Эдипа, частью сравняться с ним, а частью и превзойти его; но едва ли дерзнет кто-нибудь по следам его искать добычи в поэмах Оссиана. Он найдет поле, уже пожатое и обнаженное рукою счастливою и искусною в выборе. Представление Фингала говорит воображению, сердцу и глазам зрителей. Тут все у места: пение Бардов, хоры жрецов, сражения. — Все сии принадлежности, во многих трагедиях часто излишние, в Фингале нужные, тесно связаны с главным содержанием, и так сказать, идут не за сочинителем, а за действующими лицами. — Несправедливо будет сказать по некоторым отношениям, что Озерову скорее надлежало бы составить оперу из Фингала. Старн, господствующее и почти действующее лицо в трагедии, начертан сильными красками и кистью решительно трагическою. В трагедии Старн уединяется; в Опере он совершенно отделился бы [XXXII стр.] от общей картины и разрушил согласие единства. Фингал представлен был в первый раз на Петербургском театре в начале декабря 1805 года, и напечатан с посвящением Алексею Николаевичу Оленину, по словам сочинителя, присоветовавшему ему «Народов северных Ахилла описать». В обыкновенных посвящениях находится притворное уважение от лица посвящающего и притворная лесть к лицу покровителя. В двенадцати стихах Озерова есть поэзия и чувство. Заслуженные похвалы сочинителя трагедии, по представлении ее, не умалились от напечатания. Новые лавры вплетены были признательностию в венец сочинителя Эдипа: новые тернии готовились ему рукою зависти. — В 1807 году, когда взоры России устремлены были на борьбу храбрых сынов ее с силою грозного врага, готовившего цепи рабства Европе, Озеров в трагедии «Димитрий Донской» напомнил согражданам своим о великой эпохе древней славы России, когда на Задонских полях нанесен был сильный удар власти Мамай, // кичливого противника русской свободы //, Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, благотворителей современникам, служащих образцом для потомства. Исторические трагедии, или по крайней [XXXIII стр.] мере трагедии, основанные на вымышленной повести, вставленной в историческую раму, должны всегда иметь преимущество пред другими. Но имеет ли право трагик одевать по своему лица, заимствованные им из истории, и может ли удовлетворяться тем, что предлагает ему история? Древние позволяли себе воскрешать из мертвых лица, которые уже схоронены были ими, и изменять хронологической истине истории, смешанной у них всегда почти с баснословными преданиями, не менее уважаемыми. Мне кажется, что и новейшие трагики могут отступать от частной исторической истины, с тем только, чтобы быть ей верным в общем смысле. Трагику, например, позволено изменять истории в подробностях и по желанию своему переносить героя за двадцать лет вперед, или назад в его жизни, забывать о семействен-

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На полях отмечено:]

?

[Подчеркнуто Пушкиным.]

[Подчеркнуто Пушкиным. На листе 43 между XXXII и XXXIII стр. заметка:]

Кистью решительно не Трагической.

[Слова: «кичливого противника русской свободы» подчеркнуты и заключены Пушкиным в скобки.]

ных связях его, но характер исторический героя должен быть для него святыней, до которой не может он дотрагиваться своею равною рукою. Трагик, представивший нам тирана благотворителем своих поданных, или друга свободы рабом пресмыкающимся, равно виновен перед историею и перед трагедиею. Но Озеров, представивший Дмитрия любовником Ксении в день битвы Донской, когда он в истории является уже супругом великой княгини Евдокии, пользовался свободою, [XXXIV стр.] законою принадлежностью искусства. Счастлив был бы Озеров, если бы довольствовался сею трагическою вольностию; но увлеченный романтическим воображением, он нанес преступную руку на самый исторический характер Дмитрия и унижил героя, чтобы возвысить любовника. Не только в Дмитрии, но едва ли во всей отечественной истории, найдется образец списка, представленнаго нам Озеровым.—Его Дмитрий и в самых благородных движениях души своей и в самом подвиге славы, напоминает нам не великого князя Московского, но более полуденного рыцаря средних веков. Позволяю себе и более обвинить Озерова: неверный блюститель истины в изображении исторического Дмитрия, не избегает он справедливой укоризны и за Дмитрия, созданного его воображением. Предупреждая обвинения судей, трагик влагает в уста Бренского, Белозерского, Смоленского и самой Ксении, решительный приговор осуждения поступкам Дмитрия, законным во всякое другое время, но преступным в день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обожженного самолюбия, ожидает от него своего освобождения. Не унижается ли достоинство Дмитрия, когда Ксения, не менее его страстная, находит довольно мужества в душе, чтобы заглушить голос любви, и произвольно жертвою не укоряет ли она его в постыдном малодушии? Кончина [XXXV стр.] Бренского, на смерть посланного Дмитрием, не есть ли ужаснейшая и постыднейшая укоризна ему? Самый соперник Дмитрия не исторгает ли невольную дань уважения, отказываясь от руки Ксении и не должен ли признаться каждый зритель вместе с Дмитрием, что он превзошел его? Между тем в этом обвинении не найдем ли мы убедительнейшего доказательства искусства трагика, который будучи как бы распря с самим собою, попеременно водит Дмитрия к стыду к торжеству, невольно привязывает нас к его участи и, побеждая сердце на зло рассудка, заставляет осуждать его слабости и принимать в них живейшее и господствующее участие. Может быть, в сем случае трагик многим обязан поэту. Роли Дмитрия и Ксении писаны с начала до конца рукою истинного поэта. Говорит ли он о храбрости, о благородной любви к отечеству—в речах его отзываются звуки мужественного голоса Корнелия. Сетует ли нежная любовь—трогательные звуки чувствительной души Расина доходят до глубины сердца. Великолепное начало трагедии напоминает красоту первых явлений «Танкреда» и «Брута». Оно украшено историческими воспоминаниями, частными и местными подробностями, придающими картине особенную прелесть на русской сцене. Ответ Дмитрия послу есть один из красноречивейших отрывков [XXXVI стр.] нашей поэзии. Второе действие, открывающееся прекрасным явлением Ксении, полно движения, жара, и с начала до конца не задерживается и не остывает ни на одно мгновение. Рассказ в пятом действии отличается необыкновенною описательною красотою, и может служить образцом в этом роде. По большей части подобные рассказы охлаждают действие и могут называться узаконенными ошибками новейших трагедий, но здесь он заменяет действие и имеет особенную красоту, основанную на положении несчастной Ксении (которая желает узнать о жребию битвы, сопря-

женном с жребием Димитрия, но не смеет явно открывать участия, принимаемого ею) и на таинственности незнакомого воина, решившего победу. Явление раненого Димитрия прекрасно. Священные раны его, искупившие свободу отечества, грозная утрата жизни, совершившаяся утрата всех надежд души его, красноречивая сила несчастья: все говорит в его пользу. Он решитель победы, но слава не льстит сердцу, убитому в живейших чувствах. Димитрий победитель и несчастливец мирит с собою и противников своих, оскорбленных его упорством, и зрителей, строгих судей его поступков необдуманных. Вообще трагедия, кроме ее драматического достоинства, согрета какою-то поэтической любовью к отечеству, которая отражается с живостию и силою в русских сердцах, и [XXXVII стр.], которой напрасно будем искать в творениях Сумарокова, Княжнина и самого Хераскова, песнопевца России. Она и при начале своем имела разительное отношение к современным обстоятельствам; но после происшествия 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах «Димитрия», еще более становится на нашем театре народною трагедиею. [Здесь невольно сливается с воспоминанием о ней воспоминание и о другой трагедии, которой творец и дарованием и преждевременною смертию, пресекая при самом развитии исполняющуюся надежду прекрасной жизни, разделяет с Озеровым дань наших слез и уважения. Трагедия «Пожарской», если не изобилует трагическими красотою «Димитрия», то может по крайней мере по достоинству своему поэтическому занять, хотя и в некотором разстоянии, первое по ней место.]

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным и на полях отмечено:]

en note

[На листе 53 между XXXVIII и XXXIX стр. заметка:]

* *Очень хорошо*

Новое творение Озерова, принятое с восторгом, было последнюю эпоху его счастья и успехов*. С горестию подходим к последнему памятнику его дарования, свидетельствующему о зрелости таланта трагика и о печальной истине, что чувствительное сердце редко уживается со славою. Частные неудовольствия, легкие может быть для другого, но нестерпимые для нежной и благородной души, удалили Озерова в деревню. Гений остается верен любимцу своему, забытому [XXXVIII стр.] людьми, покровительствует гонимого счастьем, но слабое сердце человеческое живет и согревается посторонним одобрением: собственное для него не всегда удовлетворительно, и душа остывает при молчании равнодушия. И что в обольщениях отдаленной славы, если она не подательница настоящего счастья? В тишине деревни Озеров коччил в 1809 году трагедию: «Поликсену», которая с удовольствием принята была публикою; но сделалась, как сказывают, для автора источником многих неприятностей. и чувствительное сердце поэта сохранило до гроба живую память о нанесенном оскорблении. Расин, обогативший Фредрою своих современников, нашел в них пристрастных и несправедливых судей; Озеров испытал почти ту же участь, написав «Поликсену», совершеннейшее произведение своего дарования, и следственно лучшую трагедию нашу. Несмотря на некоторые погрешности в плане, «Поликсена» полнее и совершеннее в целом прежних трагедий Озерова. Характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены, выдержаны до конца. Мастерство кисти Озерова, замеченное прежде в изображении женских характеров, торжествует здесь с новым блеском. Я, согласно с справедливым мнением критика, по многим отношениям столь богатого средствами пенить достоинства русской трагедии и сличать ее [XXXIX стр.] с ее образцами¹, почитаю лишним лицо Нестора, играющего в «Поликсене» такую же бесполезную роль, какую играет князь

¹ См. Разбор «Поликсены», напечатанный в «Вестнике Европы».

Белозерский в «Димитрии»; с тою только разницею, что Озеров щедрее наделил хорошими стихами греческого, словоохотного старца. Однако же позволю себе сомневаться в справедливости некоторых других укоризн, сделанных трагику, и осмелюсь оправдать его. Пирру прилично было требовать в жертву именно Поликсену, а не Гекубу и не Кассандру, потому, что цена жертвы возвышалась в глазах сына правом ее свободы. Прах Ахиллов не довольствовался бы почестию, еслиб жертвою была пленница, а Гекуба и Кассандра, несмотря на высокое рождение, подпали общему жребию. Одна Поликсена оставалась на свободе: она одна могла быть достойною и исключительною наградою героя. Иную жертву Ахилл должен бы был делить с другим вождем и получить от его соизволения. Надменному ли Пирру ходатайствовать за прах родителя и молить о снисходительности равного себе? Пойдем далее. Улисс требует не награды за похищение Поликсены, но замены пленницы своей, освобождаемой Гекубы, которая, только после объявления ей свободы идет в ставку Агамемнонову, пользуясь [XL стр.] правом, ей дарованным. Кассандра произвольно отлучается из стана Агамемнонова, но по приказанию его и с тем, чтобы утешить скорбную мать: она рассказывает о том, и слова ее объясняют и оправдывают в глазах зрителя нечаянный ее приход. Первые три действия исполнены движения и жизни. Спор Пирра и Агамемнона предложен с большим искусством; явление Гекубы с Улиссом сильно и красноречиво; беседы матери с дочерью до высшей степени трогательны. Четвертый акт есть дань принужденная самовластию обычая, определившего трагедии пять действий. Последний силен трагическою занимательностью. Добровольная смерть Поликсены есть счастливая, хотя и романтическая развязка, и следующее за тем последнее явление нимало не охлаждает действия, произведенного смертию Поликсены. Кассандра, сестра несчастной жертвы неистовых греков, в пророческом иступлении предсказывает им ожидающие их бедствия, и некоторым образом мирит зрителей с жестокими богами, осудившими все ее семейство на плачевное страдание. В последних словах Нестора, заключающих трагедию, мы слышим отголосок души поэта. Обманувшийся во многих надеждах, растерзанный в живейших чувствах сердца, он взором разочарованным глядел на жизнь и с удовольствием думал о смерти, спокойном убежище утомленных странников земли [XLI стр.] Сии стихи, последние из известных, оставшихся по нем, как песнь лебедя, предсказывающая его кончину, открывают тайное предчувствие ужасной судьбы, омрачившей запад жизни чувствительного поэта. В деревне начал он «Медею» и написал уже три действия; но что с ними сделалось, неизвестно. Сказывают, что в припадке уныния кинул он их в огонь. Еще были у него заготовлены два плана новых трагедий: «Вельгарда Варяга, мученика при Владимире», и «Осады Дамаса». В последней намеревался он подражать одной английской трагедии. Судьба и люди не позволили ему обогатить наш театр и усовершенствовать трагическое искусство, некоторым образом родившееся и умершее с ним. Излишним кажется доказывать, что ни Княжнин, ни Сумароков, не были его образцами, и смешно напоминать, что произведения, последовавшие за его трагедиями, не имеют никакого с ними сходства. Лучшие из первых и последних слеплены с одного образца и могут почесться мертвыми подражаниями французской классической трагедии, в которых иногда кое-как сохранены узаконенные условия, проповедуемые драматическими лингвистами [Трагедии Озерова занимают между ими средину, и в самых погрешностях своих представляют нам ступления от правил, исполненные жизни и носящие свои

образ. Они уже несколько принадлежат к [XLII стр.] новейшему драматическому роду, так называемому «Романтическому», который принят немцами от испанцев и англичан.] Оценивая достоинство Озерова, как трагика, справедливость принуждает нас заметить, что трагика на равной степени совершенства с другими писателями должно всегда бороться с большими препятствиями для достижения своей цели, а тем более у нас, где и самый язык, еще не смягченный употреблением, столь часто упорствует против усилий писателя. Занимающийся иным родом словесности одерживает свои победы в единоборстве. Трагик действует против многочисленной силы, и если иногда может слабеть в частных поражениях, то по крайней мере должен необходимо в целом одержать решительную победу. Удовлетворив строгому и взыскательному вкусу публики, всегда недоброжелательной, он есть полководец, выигравший генеральное сражение против неприятелей, опаривавших ему каждый шаг победы. Успех его, с одной стороны пробуждающий старание зависти, с другой имеет еще нужду утвердиться полнейшим одобрением беспристрастных и просвещенных судей, истинных ценителей трудностей его подвига. Итак, как трагик, Озеров неоспоримо стоит в летописях отечественной словесности победителем своих предшественников и опасным соперником для последователей. [XLIII стр.]. Как поэт, имеет он преимущества, так сказать, ему особенно принадлежащие. Озеров трагик может и должен служить образцом на театре нашем. Как поэт, хотя и неоспоримо утведившийся на чреде первейших наших поэтов, не может и не должен он быть образцовым. В самых красотах слога он более счастлив, нежели правилен. Одарив русский язык богатством, до него еще безызвестным, не щадит он его во многих случаях. Часто намекает там, где нужно выразить, и останавливается там, где надобно быть быстрым. Часто употребляет он во зло присвоенную русским языком переноску слов, и сбиваясь в истинном их значении, довольствуется словом близким к настоящему. Нет в стихах его той свободы, той мягкости, которая заставляет читателя забывать о труде стихотворства, и вероятно в составе его стиха сохранились следы первых его учителей. Почерк детства изменяется с годами, но не может совершенно преобразоваться, и суровость языка времен Княжнина глухо отзывалась еще в поэмах Озерова. Но за то, где говорит сердце, какая сила красноречия! Какая истина и верность в звуках чувствительной души! Какая увлекательная прелесть в порывах мечтательного воображения! Какое глубокое уныние, изменяющее сердцу, неприученному к жизни счастьем! Где более найдем мы живых красот в описатель [XLIV стр.] ном роде, как не в его трагедиях? Где более примеров искусства пользоваться подробностями и вставлять их в общую картину с сохранением единства и притом с разнобразием? «Димитрий Донской» усеян историческими воспоминаниями, местными подробностями. «Фингал» есть некоторым образом пантеон северной поэзии; в «Поликсене» взята обильная дань с «Илиады», и в этом смысле можно, припоминая выражение Эсхилла, назвать ее «новым пиршеством из остатков от пиршества Гомеровых». С этой стороны Озеров у нас заслуживает особенное одобрение, тем более, что он ни в одном из наших поэтов не нашел тому примера. Не всегда в устройстве целой картины должно искать свидетельства о гении живописца: часто одна черта, неприметная для глаз непрошенных, открывает тайну прозорливому взгляду опытного наблюдателя. Не смотря на прозаические и жесткие стихи, разбросанные в его трагедиях, вообще стихи его звучны и полны. Едва ли не у него должно искать лучших наших александрийских стихов.

[Заключенное в черные квадратные скобки отчеркнуто Пушкиным. На полях отмечено:]

2

Исчисляя заслуги Озерова, принесенные русскому театру, благодарность заставляет упомянуть и о том, что он произведениями своими образовал актрису, которая на сцене нашей первая постигла тайну трагического искусства. Если французы обязаны были Расину за Шаммеле, без сомнения и мы [XLV стр.] должны благодарить Озерова за Семенову. Великий трагик творит великих актеров. Озеров создал Ксению и Моину: Семенова поняла поэта, и оживотворила идеалы его воображения. [XLVI стр.].

[На листах 61 и 64 об. вложенных в конце статьи, чернилами написано общее заключение Пушкина:]

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба.—Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное обозрение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к Искусству. Ты сам признаешься, что слог его не хорош—я не вижу в нем ни тени драматического Искусства.—Слава Озерова уже вянет, а лет через 10—при появлении истинной Критики, совсем исчезнет—Озерова перевели. Перевод есть оселок Драматического писателя—Посмотри же, что из него вышло во фр[анцузской] прозе.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7